

— Нет у меня никаких отца с матерью, только учитель. Вы небось тоже хотите меня куда-нибудь продать, а я на ваши сказки не куплюсь!

Мусяо был слишком пуганым, чтобы верить в подобные байки. Он решил, что они пытаются усыпить его бдительность, чтобы нанести удар исподтишка. Зрение его хромало на оба глаза, так что защищаться в одиночку приходилось с удвоенной осторожностью.

Видя, что этот маленький, с виду беззаботный и наивный парнишка проявляет такую нестигаемую подозрительность, и вспоминая слова старого Суна о том, что мальчишку похитили и привезли в Линчжоу работоторговцы, княгиня Цзин-ван почувствовала, как сердце сжимается от жгучей боли. Слезы брызнули из её глаз:

— Сяо-сяо, мама говорит правду! У тебя под левым плечом есть красная родинка, а на задней части шеи — шрам, ведь так?

При упоминании шрама Мусяо раздраженно насупился и парировал:

— Это потому что вы за мной в кустах подглядывали, когда я купался, да еще лазутчиков в нашу труппу послали!

— А знаешь ли ты, откуда у тебя этот шрам? — строго спросил князь.

Этого он, конечно, не знал. Мусяо покачал головой, уселся прямо на край ямы по-турецки и подумал: «Ну ладно, послушаю, какую еще лапшу вы мне на уши навесите».

— Семнадцать лет назад император только-только объединил Центральную равнину, и власть в стране была зыбкой. Мой родной дядя, Цзянь-ван, поднял мятеж, который подавил генерал Чу. Поскольку я воспитывался у дяди и был близок с ним, нас постигла та же участь: император изгнал весь наш клан из столицы и сослал в Линчжоу. Тебе еще не исполнилось и года. Дорога выдалась тяжелой, а тут еще объявились остатки мятежников. Мы берегли тебя как зеницу ока, но в лесной чаще ты все-таки зацепился за сухую ветку. Крови тогда пролилось столько, что мы едва не сошли с ума от страха...

Голос князя звучал веско и уверенно, рассказ имел начало и конец, в нём упоминались императоры, князья и полководцы. Мусяо слушал с широко раскрытым ртом и невольно поднёс руку к выпуклому рубцу на затылке.

— Но мы все равно оплошали. В суматохе побега мы умудрились тебя потерять. И вот уже семнадцать лет о тебе не было вестей...

Княгиня закрыла лицо рукавом и горько зарыдала:

— Сяо-сяо, я носила тебя под сердцем в страшных муках. Материнское сердце не обманешь: едва взглянув на тебя, я сразу поняла — ты и есть мой Сяо-сяо.

Женское горе звучало надрывно и достоверно.

Мусяо замер. Былая уверенность пошатнулась, сменившись сомнениями. Он сунул руку в пазуху и нащупал там полотняный амулет.

Грамоте его не учили, и единственным иероглифом, который он знал и умел выводить, был тот самый знак «Сяо» на этом обереге. Временами он тайком думал, что этот клочок ткани — единственное, что оставили ему настоящие родители...

Заметив, что парень смягчился, князь тут же предложил:

— Давай проведем проверку кровью, и все сразу встанет на свои места.

Пока Мусяо колебался, землю вдруг затрясло. Послышался глухой топот множества ног, и стоило ему поднять голову, как на другом конце переулка показалась сплошная стена черных силуэтов, возглавляемая ярким пятном золотисто-желтой одежды. Человек в желтом зычно завопил:

— Дерзкие разбойники! Как смеее вы оскорблять моих отца и матушку?!

Даже сквозь пелену перед глазами Мусяо почувствовал нешуточную угрозу от этой надвигающейся лавины людей. Не раздумывая ни секунды, он оттолкнулся ногами от камней и ловко перемахнул через стену переулка.

Как говорил учитель: «Врагов много, а ты один — не вывозишь, так делай ноги»

— Ишь ты, удумал бежать! Стоять, негодяй!

Бежавший впереди вспыльчивый юноша в желтом не успел затормозить и с размаху сиганул прямо через провал в центре переулка.

Князь внизу поднял голову, увидел летящего в воздухе сына и в ужасе заорал:

— А-Сянь! Это же твой брат, не...

— БУХ! — раздался глухой звук.

— Ай-яй-яй!

Не успел он договорить, как фонтан брызг и грязи окатил его с ног до головы. Князь молча вытер лицо и с бесстрастным лицом завершил фразу:

— ...не покалечь его.

Прыжок Асяня оказался недостаточно длинным, и он угодил аккурат в самую жижую злосчастной ямы. Его новенькое парадное платье мгновенно покрылось грязными разводами, а рукав зацепился за острый камень и распоролся.

Княгиня вместе со старым Суном бросились поднимать наследника, наперебой утешая его.

А разъяренный и потерявший лицо Асянь завопил во всю мочь легких и рявкнул на стражников, столпившихся у края ямы:

— Чего стоите, разинув рты?! Живо хватайте этого негодяя!

Стража разделилась: одни сбросили вниз веревки, вытаскивая начальство, другие бросились в погоню за беглецом.

Как ни старался Мусяо петлять по переулкам, против толпы зорких преследователей не попрешь. Спустя час вспотевшего и выбившегося из сил парня доставили в поместье Цзин-вана, где его сердце затрепетало от дурных предчувствий.

Чтобы рассеять последние сомнения Мусяо, князь лично принёс две чистые пиалы, заставил юношу самого набрать колодезной воды, принёс швейную иглу и, протянув её парню, велел самому сделать прокол.

Мусяо растерянно вертел в пальцах серебряную иглу.

— Сяо-сяо, смелее, — мягко подбодрил князь.

Мусяо легонько кольнул палец, но крови выделилось недостаточно, так что князю пришлось самому решительно вонзить иглу себе в подушечку пальца и капнуть рубиновую бусину в белую пиалу. Затем Мусяо повторил процедуру: капля его собственной крови упала в чистую воду.

Все столпились вокруг стола, затаив дыхание. Мусяо отсутствующим взглядом смотрел в пустоту, но его собственное сердце застучало как безумное.

В звенящей тишине комнаты раздался сдавленный вздох.

Старый Сун ткнул пальцем в чашу и завопил на весь зал:

— Слились! Они слились! Это же истинный старший молодой господин!

Кончик пальца Мусяо слегка саднило. Он заглянул в пиалу. Как такое вообще возможно...

Хотя князь и держал чашу прямо перед его носом, разобрать тонкие алые нити, протянувшиеся в воде навстречу друг другу, он толком не мог. Зато он видел, как дрожат руки самого князя.

Все предыдущие улики — метки, амулет, сходство — давали лишь семь-восемь шансов из десяти, но в этот миг, когда капли крови слились в единое целое перед лицом неопровержимых доказательств, плотина эмоций рухнула. Князь и княгиня смотрели на воду так, будто от этого зависела их жизнь.

Княгиня больше не смогла сдерживаться. Она рыдая прижала Мусяо к груди:

— Сыночек мой... Сколько же ты натерпелся за эти годы...

Мусяо, которого отроду никто вот так не обнимал, мгновенно окостенел и боялся пошевелить хотя бы пальцем.

Князь со старым Суном украдкой утирали слезы краями рукавов.

Младший брат Асянь стоял с отвисшей челюстью, бессмысленно пялясь на пиалу. Он даже засунул палец в воду, пытаясь размешать капли, но те упрямо соединялись вновь. Не веря своим глазам, он со злости уколол и собственный палец, капнув туда же — его кровь точно так

же растворилась в общем узоре. Лицо Асяня перекосило от шока:

— Я... у меня что, появился брат?!

— Сяо-сяо, не бойся, теперь родители никому и никогда не позволят тебя обидеть. Мы найдём лучшего лекаря, который исцелит твои глаза... — сбивчиво шептала княгиня, смеясь и плача одновременно, повторяя бессчётное множество ласковых слов.

В груди Мусяо поднялась странная, непривычная волна — одновременно щемящая и теплая.

Матушка...

Женщина перед ним была облачена в розовато-лиловое платье, её волосы были убраны в сложную причёску, а по расплывчатому лицу катились слезы. Чуть выше брови виднелось покраснение — след от недавнего падения в яму.

Тыльная сторона ладони Мусяо чуть похолодела. Он не видел отчетливо лица, но ощущал влагу на щеках той, что прижимала его к себе... *его матери?*

Медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление, Мусяо поднял руку и невесомо коснулся её лба у самой ссадины.

Княгиня тихо ахнула.

Мусяо испуганно отдернул пальцы:

— Больно... больно вам?

Княгиня моргнула, сквозь слезы озарившись счастливой улыбкой:

— Нет, не больно, вовсе не больно. Сяо-сяо, ты все сделал правильно. Если встречаешь незнакомца, чьи намерения неясны, всегда нужно держать ухо востро. Твой учитель вырастил тебя славным парнем.

Князь тоже проникся благодарностью:

— Старик Сун говорил, что тебя зовут Мусяо. Твой учитель носил фамилию Му?

Мусяо посмотрел на... "отца?" Он изо всех сил вглядывался в расплывчатый силуэт: тот казался ростом с учителя, но был гораздо шире в плечах.

Мальчик кивнул и тихо произвел:

— Угу. У меня не было ни имени, ни рода. Учитель приютил меня, и я взял его фамилию. А имя составил из иероглифа на амулете.

— А где твой учитель? — участливо спросил Сун-бо.

— Учитель умер, — опустив ресницы, ответил Мусяо.

Княгиня погладила его по спине, утешая:

— Глупый малыш, теперь у тебя есть отец и мать. Отныне твой дом здесь, в княжеской резиденции. Тебя будут звать Чжао Сяо, хорошо?

— Чжао... Сяо?

Мусяо замялся, чувствуя неловкость:

— Учитель отдал мне все силы. Если бы не он, я бы давно сгинул. Я бы хотел... сохранить фамилию учителя.

Князь с супругой в один голос согласились: конечно же, приемный отец заслуживает глубочайшего уважения, и если бы не строгий запрет императорского двора покидать Линчжоу, они бы непременно сами съездили в Цюйчжоу, чтобы почтить его память.

— Ну все, сегодня великий праздник, хватит слез. Пойдем, покажем тебе поместье, я провожу тебя...

Княгиня вытерла слёзы шелковым платком и взволнованно велела управляющему Суну заняться обустройством покоев молодого господина: подготовить одежду, обувь, слуг, позвать лекарей.

Этой ночью в поместье не спал никто. Князь с женой были переполнены эмоциями, а Асянь таращился в потолок, всё еще силясь осознать произошедшее. Сам же Мусяо никак не мог привыкнуть к роскошной обстановке и внезапным переменам в судьбе; ворочаясь в постели и вспоминая учителя, он заснул лишь глубоко за полночь.

Новости разлетелись по Линчжоу с молниеносной скоростью: все улицы и переулки гудели от слухов о том, что тот самый талантливый слепой акробат из бродячей труппы оказался кровным сыном самого Цзин-вана! Обретя истинные корни, бывший уличный артист в один миг превратился в законного наследника поместья — Чжао Мусяо. Обыватели только цокали языками от удивления.

В последующие дни чета князей словно заново родилась: они светились от счастья и хлопотали с утра до ночи. За все семнадцать лет ссылки в Линчжоу князь всегда держался замкнуто, не заводя знакомств с внешним миром, и замок еще никогда не видел такого оживления. Каждому встречному прохожему, сказавшему хоть слово поздравления, щедро отсыпали серебра.

Все вокруг радовались, и лишь Асянь ходил с перекошенным лицом, излучая вселенскую скорбь от макушки до пят.

В один из дней, когда Мусяо вместе с матерью подрезал ветви сирени, Асянь громогласно окликнул мать. Завидев поблизости сводного брата, он демонстративно скривился и закатил глаза. Впрочем, вспомнив, что Мусяо слеп и все равно не оценит его мимику, он с топотом подбежал вплотную, выставил подбородок и принялся демонстративно закатывать глаза уже перед самым его носом.

Мусяо моргнул: «?»

Княгиня аж лишилась дара речи от такой наглости:

— ...Ты что вытворяешь?! Это твой старший брат, ну-ка извинись!

От усердия у Асяня уже заболели глаза, а вид ничего не понимающего и прикидывающегося пай-мальчиком Мусяю лишь подлил масла в огонь. Он тяжело фыркнул:

— И не подумаю! Никакой он мне не брат, взялся тут откуда-то! Вы с папой мне сроду не говорили, что у меня есть брат! К тому же в тот день в переулке он подстроил ловушку, из-за чего мы свалились в грязь! Моему новому костюму конец!

Мусяю стало совестно, и он тихо выдавил:

— Прости.

Княгиня ласково похлопала Мусяю по руке:

— Сяо-сяо, твоей вины тут нет, ты просто защищался.

Утешив старшего сына, она с укоризной посмотрела на младшего, понимая, что тому нужно время на привыкание:

— Разве я тебе не объясняла? Сяо-сяо пропал, когда ему не было и года. Ребёнок затерялся в чужих краях, мы с отцом думали, что его уже нет в живых... Эта рана до сих пор кровоточит у нас на сердце, мы вовсе не собирались ничего утаивать, просто хотели подождать, пока ты подрастешь. Но небеса явили чудо, вернув нам первенца. К тому же результаты капельного теста ты сам знаешь — кровь-то слилась?

Асянь чувствовал себя ущемленным, но крыть было нечем.

В его представлении он всегда был единственным баловнем судьбы, купающимся в родительской любви. Но стоило появиться Чжао Мусяю, как оба родителя переключили все внимание на него. Из десяти приемов пищи в восьми лакомые кусочки отправлялись в тарелку Мусяю, и лишь в оставшихся двух перепадало ему! Все самое лучшее несли старшему, угождая ему во всем и забывая о младшем сыне! А вчера утром отец даже не глядя перелистнул сданные им исписанные строки наказания, не заметив, что он пропустил целых десять повторений!

Топнув ногой и фыркнув, Асянь развернулся и убежал.

Княгиня крикнула вслед:

— Только не уходи далеко, скоро ужин! Ах этот мальчишка... Сяо-сяо, не бери в голову, я с ним еще поговорю.

Мусяю растерянно стоял на месте, раздумывая, как бы задобрить вредного брата, и продолжал щипать побеги цветов.

К ужину Асянь явился вовремя. Мусяю только хотел предложить ему сесть рядом, как тот с грохотом отодвинул стул и демонстративно плюхнулся напротив. Подошедший князь тут же грубо схватил младшего за плечо, силой пересаживая поближе к старшему:

— Прекрати балаган.

Асяню пришлось подчиниться, но общаться с Мусяо он демонстративно отказался. Стоило Мусяо потянуться за каким-нибудь блюдом, как Асянь опережал его и демонстративно забирал лакомый кусочек себе. Мусяо ел медленно, но проворный Асянь неизменно перехватывал инициативу, постепенно находя в этом извращенное удовольствие и нарочно вредя брату.

Княгиня сделала ему несколько замечаний, после чего он немного утомился.

Сам же Мусяо вовсе не сердился. Взяв чистые палочки, он положил младшему брату его любимые свиные ребрышки в кисло-сладком соусе:

— А-Сянь, кушай.

Асянь презрительно фыркнул. Заметив, что отец отвлекся на вино, а мать занята чисткой креветок, в то время как Мусяо сосредоточенно шарит палочками по стоящим перед ним тарелкам, парень коварно усмехнулся. Не привлекая ничьего внимания, он бесшумно поменял местами две тарелки, после чего с невинным видом отправил в рот ребрышко:

— Ммм, вкуснотища!

Обрадованный Мусяо потянулся за своим любимым мясом в вишнёвом соусе. Почувствовав странный, подозрительный запах, он слегка нахмурился, но не придавал значения и отправил кусок в рот.

Стоило ему сделать первый же жевательный движок, как язык пронзила дикая, обжигающая боль, словно он зажевал горсть сырого сычуаньского перца. Мусяо тут же выплюнул мясо, задохнувшись от жжения, а глаза мгновенно затуманились от слёз.

Асянь расхохотался во весь голос:

— Ха-ха-ха! Это же сычуаньский перец! Ну как, понравилось?!

Глаза Мусяо покраснели и наполнились влагой, слёзы градом покатались по щекам. Он с детства терпеть не мог острое, а после потери зрения учитель строго-настрого запретил ему даже прикасаться к специям. За столько лет его организм и вовсе отвык от подобных раздражителей.

— Сяо-сяо! — испуганная княгиня бросилась наливать ему воды.

Мусяо выпил подряд несколько чаш, но во рту по-прежнему полыхал пожар, а веки покраснели донельзя.

Увидев, что брат заплакал, Асянь слегка струхнул, сообразив, что перегнул палку. И тут же грянул гром: князь в ярости стукнул по столу и громовым голосом рявкнул:

— Асянь! Марш в свою комнату обдумывать поведение! Сегодня останешься без ужина!

В столовой воцарилась зловещая, мертвая тишина.

Лицо Асяня то бледнело, то покрывалось багровыми пятнами. На памяти юноши никто и никогда не осмеливался отчитывать его столь сурово. Не желая терять лицо перед слугами, он вспылil, сверкнул глазами и дерзко огрызнулся:

— Не буду я ужинать! И никто меня не заставит! Ешьте сами в своем семейном кругу, раз вы такие дружные!

Выпалив это, он вихрем выскочил из обеденного зала.

Оказавшись в эпицентре столь бурной семейной драмы, совершенно неопытный Мусяо растерянно хлопал глазами, понятия не имея, как исправить положение.

Княгиня устало потерла виски:

— Ох, ладно уж... Пусть остынет, а завтра я сама с ним потолкую.

Выпив несколько чашек воды и вдобавок поглотив пару щедрых ложек риса, Мусяо почувствовал, как жжение во рту постепенно стихает. Закрыв глаза, он переждал пару мгновений, пока утихнет боль в глазах.

Как только ему стало лучше, юноша собрался идти к брату, чтобы расставить все точки над «i». Однако подросевший слуга доложил, что молодой господин в гневе собрал нехитрый узел с пожитками и сбежал из дома.

Князь в сердцах всплеснул руками:

— Почему же вы не остановили его?!

Слуга боязливо вжался в плечи:

— Маленький господин... сбежал через тот самый дырчатый лаз в задней стене.

— ... — Князь с досадой махнул рукой: — Скорее всего, удрал к семье Фэн. Пошлите кого-нибудь следить за ним. И чтобы к утру этот лаз в стене был заложен кирпичом!

Мусяо ничего не оставалось, как вернуться за стол, хотя кусок в горло больше не лез.

Поздним вечером родители снова пришли навестить его. Полагая, что речь вновь зайдет о своенравном брате, Мусяо тут же выпрямился, готовый внимательно выслушать и помочь во всем разобраться.

Однако отец мягко произнес:

— Все в порядке, он сейчас у своего приятеля по учебе. Через пару дней, когда буря уляжется, я сам съезжу за ним и верну домой, пока не обращай на него внимания. Сяо-сяо, мы пришли поговорить о другом: только что мне пришло письмо из клана Чу.

С этими словами он достал из-за пазухи сложенный лист бумаги.

Княгиня ласково добавила:

— Сяо-сяо, история эта довольно запутанная, но у тебя есть нареченный жених.

— Ох... — Мусяо кивнул. В простом народе обручения с рождения случались сплошь и рядом, и наличие невесты... стоп. Какая невеста? Жених?!

<http://bllate.org/book/18550/1792839>